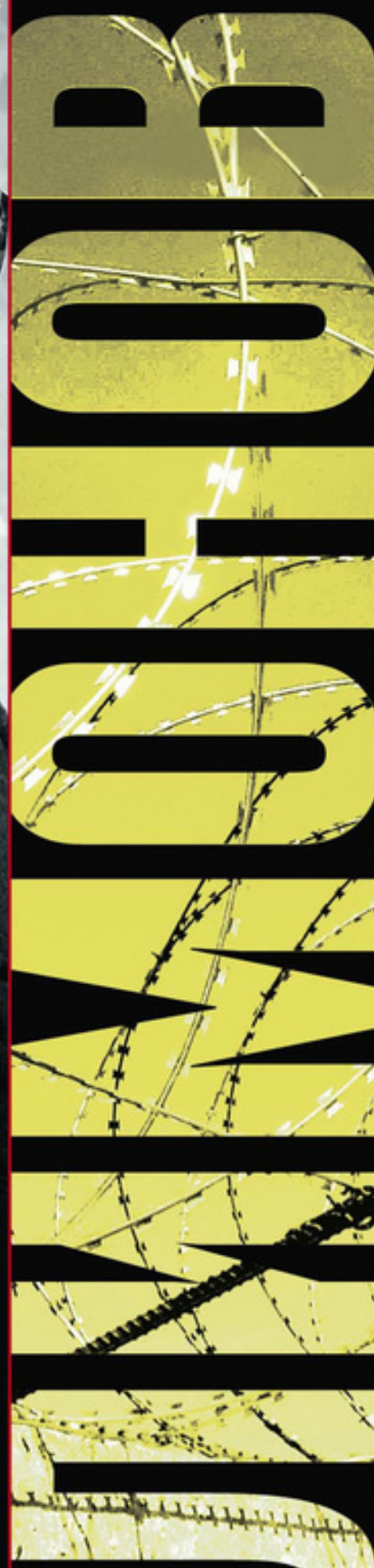

ЭДУАРД
ДРУГАЯ РОССИЯ

КНИГА,
НАПИСАННАЯ
В ТЮРЬМЕ

Эдуард Лимонов
Другая Россия

«Центрполиграф»

2002

Лимонов Э. В.

Другая Россия / Э. В. Лимонов — «Центрполиграф», 2002

Эта книга была написана Э. Лимоновым в тюрьме. Большой русский писатель и активный общественный деятель изложил теорию создания новой России. Другой России – без чиновников, коррупции и ментовского беспредела. России свободной, сильной и независимой. России, которой мы все будем гордиться.

© Лимонов Э. В., 2002

© Центрполиграф, 2002

Содержание

Предисловие. I have a dream...	6
Лекция первая. Монстр с заплаканными глазами: семья	8
Комментарий к статье Гэпэухова	12
Лекция вторая. Schooling: они украли у вас детство	14
Лекция третья. Самый угнетенный класс	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эдуард Лимонов

Другая Россия

© Лимонов Э., 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление «Издательство Центрполиграф», 2015

Предисловие. I have a dream...

Я совсем было забыл, что написал книгу «Дисциплинарный санаторий», где размышлял над устройством современного общества. Сегодня вспомнил в связи с тем, что получил письмо, где меня один пацан из Сибири настырно спрашивает, чего же мы, НБП, хотим, какое общество хотим построить. На Западе сейчас считается счастливой монотонная долгая жизнь по стандартам западной цивилизации. То есть нетяжелая работа, какая-нибудь служба с бумагами связанная, всю жизнь одна неразрывная карьера, потом – пенсионный возраст, и после – безбедное существование пенсионера, и смерть в глубоком бессилии старости. Государства западных стран подавляют человека, оставляя ему только одну разрешенную самостоятельную активность – охоту за самками. В остальном западный человек крайне ограничен в своей жизни законами. Человека поработили и одомашнили. В СССР был другой строй, но и там человека поработили и одомашнили. Вообще современного человека приучили к тому, что ему всё нельзя, что он должен только работать как дурной всю свою жизнь и потом, не бунтуя, умереть. Качественной считается жизнь сытого раба. Идеал: семья – живущая в браке пара. Так быть на самом деле не должно. Существо, с самого рождения обреченное умереть, не должно быть каким-то дурным выючным мулом или той слепой лошадей, что ходит запряженная по кругу, вынимая из реки воду и выливая ее в арыки и на поля. Нужно взбунтоваться. Нужно придумать, вычислить для нас, для нашей группы, для тех людей, кого мы считаем своими, другую модель жизни и навязать ее. Но прежде всего нужно создать новую нацию. Вокруг все время говорят: «русские», «мы – русские», «я – русский», «для русских». А под этой этикеткой скрываются самые разные люди. И Ельцин оказывается русский, и сизый алкаш, и грязный бомж, и активный сперматозоид Кириенко. Если они – русские, то я тогда нерусский. Что же надо делать? Надо отбирать людей для новой нации. Пусть она будет называться как-то иначе, пусть не русские, но, скажем, евразийцы или скифы. Не суть важно, но новую нацию надо создавать на других принципах, не по цвету волос или глаз, а по храбрости, верности принадлежности к нашей общине.

Нужны будут дети от новых людей. Много детей нужно будет, чтобы нация быстро выросла. Потому нужно разрешить многие виды семьи: те, что ведут к небывалому размножению. Разрешить полигамию, свободные содружества. Женщины должны бесконечно беременеть и приносить плоды. Детей же будет содержать и воспитывать община. И жить и воспитываться они будут среди взрослых. И уже с возраста, ну, скажем, десяти лет. Сейчас детей гноят в скучных школах, снабжая их мозги и память насильно на фиг не нужной никому пылью. Образование станет коротким и будет иным. Мальчиков и девочек будут учить стрелять из гранатометов, прыгать с вертолетов, осаждавать деревни и города, освежевывать овец и свиней, готовить вкусную жаркую пищу и учить писать стихи. Будут спортивные состязания, борьба, свободный поединок без правил, бег, прыжки. Читать будут стихи Николая Гумилева и книги Льва Гумилева, целые поколения будут, согласно заветам Константина Леонтьева, выучены любить Восток. Понимать красоту синей степи и рыжих гор. И всю мерзость бетонных бараков в снегах, мерзость московских спальных районов.

Будем ли мы производить оружие? Конечно будем. Будем вести войны. Но не такие, как прежде, не фронт на фронт. Наши будут просачиваться на их территории, знакомить их людей с нашим образом жизни и идеями, и самые здоровые и сильные из них станут нашими, нашей нацией. А потом будут вторгаться наши отряды и добивать несогласных.

Нам нужна будет земля. Мерзлая Россия захвачена лапами нетворческих тупых администраторов, нищих духом. Нужно будет уйти из России, свить гнездо на свежих центральных землях, отвоевать их и там дать начало новой невиданной цивилизации свободных воинов,

сплоченных в вооруженную общину. Кочующих по степям и горам, воюющих в южных государствах.

Многие типы людей вынуждены будут исчезнуть. Алкогольные дяди Васи, менты, чиновники и прочий бракованный материал, потеряв свои корни в обществе, вымрут. Вооруженную общину можно будет назвать «Государство Евразия». Так осуществляются мечты евразийцев 30-х годов. С нами захотят быть многие. Возможно, мы завоюем весь мир. Люди будут погибать молодыми, но это будет весело. Трупы героев будем сжигать.

А какой смысл совершать революцию, если ее цель – только захватить министерские посты, вульгарные кабинеты. Мы должны будем сменить все. И придумать себе Нового Бога, возможно, какой-нибудь тунгусский метеорит или железную планету в холоде Космоса. Нашим Богом будет тот, кто даровал нам смерть. Может, нашим Богом будет Смерть. Так что, как Мартин Лютер Кинг, I have a dream. Но его dream была бедненькая, убогенькая...

Лекция первая. Монстр с заплаканными глазами: семья

Твой отец инженер или работяга – злой, худой, неудачливый, время от времени надирается. А то и вовсе никакого папочки в семье, мать – в облезлой шубейке. Глаза вечно на мокром месте, истеричная, измученная, говорит голосом, в котором звучат все ахи и охи мира. Мать всегда жалко, к отцу никакого уважения. Он – никто, когда пьян, ругается с телевизором. Вонючий братец (вариант: вонючая бабка) – после него противно войти в туалет. Квартира о двух комнатах: слишком много мебели плюс ковры, коврики, половички, шторы. Мало света.

Вечные: «Выключи свою музыку!», «Убери эту порнографию со стены!», «Я тебя кормлю!» и прочие стенания, прелести жизни в семействе. Книг мало, только твои: Гитлер, Ленин, Дугин, Лимонов, «Лимонка»... Семья, сучий потрох, гнойный аппендицит, группа тел, сжавшихся воедино во взаимном объятии страха: «Саша, не выходи на улицу, там у подъезда какие-то парни!» Семья обучает бояться, трястись, усираться от страха. Это школа трусости.

Квартира, полученная с адским трудом или купленная с огромным трудом, кооперативная, в последние годы советской власти. У родителей вся жизнь ушла на эту квартиру. Экономили, копили, собирали, купили. Потом счастливо обживали бетонный кубик, соту во многоподъездном, многоквартирном Человечнике. Любовно сверлили, клеили, годами подбирали дверные ручки. На план обустройства лоджии ушел год. Еще три на возведение рам и стекол. За четыре года завоевывают царства, Вторая мировая война пять продолжалась, а тут лоджия. Ее забили старыми тряпками и втиснули тебе раскладушку. Квартира – как тюремная хата, где сокамерников не выбирают, как камень на шее эта квартира, который нельзя бросить, и оттого нравы какого-нибудь Южного Бутова почему-то должны быть твоими, а ты его, Южное, или какой там район, презираешь до рвоты.

Ты уже бреешься, а эта, блин, унижительная крепостная зависимость от жилплощади родителей, ты тут прописан, записан, чтоб вам всем, падлы, как крепостной! И когда у тебя будет твоя клетка, где можно повесить то, что ты хочешь – хоть флаг НБП?! Когда, никогда!.. 25 тысяч баксов у тебя будут никогда. Девочку привести некуда. Какая тут нате вам полноценная жизнь. У пенсионеров есть не только пенсии, у них есть квартиры, потому к ним ласково обращаются власти, агентства, жулики, убеждая продать ее, отдать в ренту, пенсионеры нужны.

Семья: липкая, теплая навозная жижа, где хорошо отлежаться дня два, от побоев физических, в драке, и от моральных увечий. Но семья, как чахотка, ослабляет человека, изнуряет своей картошкой с котлетами, своей бессильной беспомощностью. Врываются завтра какие-то чужие, менты, чурки, даже защититься нечем. А мать защитить, а сестру? С ними чувствуешь себя еще более уязвимым.

В книгах и фильмах есть храбрые крутые герои. Были в начале века национал-социалисты, фашисты и большевики, они покорили вначале свои страны, а позднее и чужие. Они шли стройными рядами, красивые, в барабанном бое и шелесте знамен, молодые, и земля ложилась под них, как женщина, радостно. Пришел отец: «Опять читаешь про своих фашистов! Никогда этого не было, не было!» Сел в кухне и чавкает...

Все вышеизложенное – лишь попытка воссоздания чувств пацана-подростка, юноши в семье. К этому можно добавить патологии, она нередко присутствует в жизни, – жиреющую маму, маму с сумками, как тяжелоатлет, не женщина, а бидон какой-то, выючное животное, верблюд; блевотину хрюкающего отца, но обойдемся без чернухи. Результат моих размышлений: советская власть, сука, успешно окрепостила семью квартирой. Всех привязали на цепь, оякорив квартирой. Ибо квартира в мерзлом российском климате – это разрешение на жизнь. Про писка, квартира, работа – вот ассортимент ржавых тяжелых цепей, с помощью которых

современный русский прикован к месту, недвижим, и более несвободен, чем русский XVII или XVIII века. Тогда можно было сбежать на Дон, к казакам, к Разину, к Пугачеву. Куда сбежишь при подполковнике Путине, везде облавы и несвободно нигде.

Письма в нашу газету «Лимонка», будучи главным редактором, я читал их пять лет все, дышали злобой и отвращением к российской действительности и к семье. Пацанов не устраивали их мелкие, тусклые (или даже поганые) родители. Преобладало настроение блатной песни: «Родную мать зарезал / Отца я зарубил / Сестренку-гимназистку / В уборной утопил». Эти же чувства выразил отлично американский режиссер Оливер Стоун в фильме «Прирожденные убийцы» (мы его радостно рецензировали в первых номерах «Лимонки»). В фильме герой Мики принес кровавый ливер из мясного магазина в семью своей будущей подружки. Мики – рассыльный. Гнусный вульгарный папа в семейных трусах, вожделем дочери, патологическая мама, младший братик – семейка монстров. Прямыми кишками, вонючими колбасами какими-то живут они на земле, обмениваясь криками. Нововлюбленная пара убивает родителей и бежит. Сквозь гротеск сияет нестерпимо подлинная солнечная ненависть к семье.

С российской семьей все еще более неладно, чем с американской. Как правило, детям не за что уважать своих родителей («черепа» – красочно и точно называют их панки), – в подавляющем большинстве своем жертв жизни и жертв произошедших в стране катастрофических «реформ». Жилплощадь в РФ сейчас еще более недоступна, чем при советской власти, в результате дети переселяются в семью, вынужденно живут с родителями дольше, чем это здорово. Создается неприятная обстановка, когда взрослые дети живут со стареющими родителями, дыша друг другу в затылок, употребляя один и тот же туалет, вынужденно разделяя интимную жизнь друг друга. Мать по природе своей считает сына своей собственностью и потому подсознательно хочет продлить свою власть над ним. А отец над дочерью. А в одной квартире это возможно сделать. Результат такого общежития отлично виден в Чечне (особенно был виден в 1-ю войну). Это не боевые качества чеченского бойца преобладали над качествами русского солдата, но чеченское воспитание мужчины значительно преобладает над воспитанием парня в русской семье. Отсюда и возник феномен «наших мальчиков», которых хватают в плен жестокие чеченские бородачи. Русские пацаны переселяются в теплых гнездах добрых пять – десять лет дольше, чем нужно, и влияние дебели, доброй, стокилограммовой российской славянской мамы превращает их к призывному возрасту в тесто. Чеченский пацан с сопливого возраста крутится среди мужчин. Наш проводит слишком много времени среди женщин. Российская семья удушает мужчину. (Разумеется, существуют исключения, из деревень и маленьких городков приходят более мужественные пацаны.) Для правильного становления мужчины пацана надо как можно раньше изымать из семьи. Это вредное место, как Чернобыльская АЭС.

У меня были неплохие родители, но я все равно придумал как-то, что на самом деле я их приемный сын. Родители узнали и обиделись. Вообще-то это распространенное явление, когда детей удручает обыденность родителей. Хочется, чтоб отец был героем: чемпионом по боксу, революционером, генералом разведки, боевиком, ну бандитом даже. А тут сидит неряшливый тип и ест пельмени... Большинство детей смиряются с посредственностью родителей. Лучшие – не смиряются. Политическая партия, такая как НБП, забирает парня из семьи, дает ему примеры для подражания и по сути дела соперничает с семьей за душу парня. Семья часто проигрывает нам, но и мы не всегда выигрываем. К нашему глубокому сожалению. Ибо по сути своей семья – это тупик. Влияние родителей-неудачников (а они в подавляющем большинстве неудачники), порой яростных садистов, а чаще мокроглазых мазохистов, за 20–25 лет, проводимых пацаном в семье, необратимо убивает его мужскую силу. Во французском языке есть обиходное словечко *mere-castratrice* – «мать-кастратрисса», пришедшее из фрейдизма. То есть мать-кастрирующая, лишаящая в переносном смысле яиц, мужского начала. Это в аккурат сказано о такого типа женщинах, как «солдатские матери». То есть в них самих

развито доминирующее мужское начало, и они яростно стремятся подменить своим мужским началом мужественность своих сыновей, в переносном смысле кастрируют их.

Семья в России – сильнейшая институция общества. Говорят, в Китае она еще сильнее. Большинство актов казнокрадства, актов коррупции, воровства совершается во благо семьи. Российский чиновник крадет деньги государства, как правило, не для прожигания их в ресторане «Яр», а для постройки обширной дачи, приобретения квартир для членов семьи, для детей и внуков. Новоявленные российские бизнесмены банальны в области вкусов и предпочтений: «мерседес» себе, «мерседес» дочери, дачу себе, дачу сыну и семье. Конечно, всю эту вечную хрень должна прекратить революция, но для успешной, глубокой, необратимой революции, для того, чтобы осуществились необратимые изменения в обществе, нужно разрушить его самую крепкую молекулу: семью. Это возможно сделать. Далеко не всегда в истории человечества общество существовало в таком виде, как сегодня. Может оно существовать и без семьи.

Сколько преступлений совершено во имя семьи! Сколько рабочих не участвовало в забастовках, «заботясь» о своей семье (а в половине случаев – оправдывая ею свою трусость), сколько мужчин не ответили обидчикам ударом на удар («У меня семья!»), смирили свою гордость. Сколько мужиков не участвовало в войнах последних десяти лет и устраняется от активной деятельности в политических партиях во имя гребаной семьи! Между тем именно за эту трусость их не уважают собственные дети! Каждое поколение обывателей несет на себе тяжелые вериги семьи добровольно. Якобы выращивая детей, а на самом деле лукаво и трусливо прячась за детей. Дети обойдутся без тебя, мужик, ты врешь! У нас был в партии молодой военный, присылавший нам из провинции отличные боевые статьи о положении дел в армии. Как-то мы предложили обучить наших ребят тому, что знает сам. Он долго отмалчивался, а потом устно передал, что не может, сослался на семью – жену и детей. Каждый обыватель приносит себя в непрошеную жертву своей семье, чтобы его дети повторили тот же, также никому не нужный, выдуманный «подвиг» – принесли себя в жертву своей. Эту цепь лжи надо разорвать. И дети не в такой степени нуждаются в родителях, как это себе придумывает обыватель или работяга. И цель политической деятельности, политических акций, и в конечном счете цель войны (если она развязана из идеологических целей) – создать новое, лучшее, чем довоенное, общество, где детям (и твоим!) будет жить много лучше, чем сегодня.

Вот что писала о семье в 1999 году газета латвийского отделения НБП в городе Риге «Генеральная линия» в статье «Семья против партии»:

«Когда я перебираю мысленно тех, кто отошел от партии в разное время, я прихожу к одному сокрушительному выводу: в 90 % случаев это заслуга семьи. Родителей, или жены, или всего родственного клана. Уход по идейным причинам – исключение.

Семья верно чувствует, что национал-большевизм выводит человека на новую жизненную орбиту, вселяет в него слишком необыкновенные чувства, чтобы продолжать наслаждаться обыкновенными семейными радостями. Уж лучше водка и бабы (в промежутках между выполнением семейных обязанностей), чем революция, рассуждает семья. Пусть ему (сыну, мужу, брату) лучше разобьют башку в пьяной драке, чем „заметут“ на пикете. Расчет верен: в первом случае он вернется в семью с чувством вины, поджав хвост, что и требуется. На примере наших бывших товарищей мы видим это очень отчетливо. Семья давит и на тех, кто проявил стойкость. Прошла целая эпидемия изгнаний нацболов из дома родителями. Может, и нехорошо об отцах и матерях, но ведь рабы, покорные жертвы всех режимов, умудрившиеся проиграть все, что только можно, они теперь хотят, чтобы и дети росли мирными домашними овечками. Чтобы безропотно шли на убой. Да выгонят и вас из ваших убогих квартир и с ваших убогих работ! И лишат вас ваших убогих пенсий! Мирным блеянием волков не разжалобить. Нужны волкодавы.

В семьях, простых обывательских семьях идет неуклонный процесс разложения русской нации. Какая жена, сестра, мать пожелает сегодня: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой»? Закончился спартанский период национальной истории. Торжествует тупая недальновидная мораль: «моя хата с краю» (московские взрывы показали, что в «крайних хатах» так же легко погибнуть, как и на передовой). Нация буквально распадается на семьи, как некогда Русь на удельные княжества.

Людей «длинной воли» не должна удивлять подобная ситуация. Изгнание из племени – удел героя. За изгнанием следует возвращение, триумф. Вспомните биографии Чингисхана, Магомета, да можно привести тысячи примеров. Вернувшись в семьи «блудным детям» можно посочувствовать. В их жизни больше не будет ничего интересного. Спокойной ночи, наши бывшие товарищи!»

Павел Гэпэухов

Комментарий к статье Гэпэухова

Нескольким нашим ребятам не повезло с женами. То есть сами они считают, что повезло, но на деле они попали в железные руки крепких кобыл. Получив от таких женщин счастливый и удовлетворенный секс, они все меньше и меньше бывали в партии. Возможно, себе они говорили, что по прошествии медового месяца вернутся к прежней партийной активности, но постепенно втянулись в болотистую жизнь. Конечно, лет пять, ну десять можно так прожить «в тени цирцеиных ресниц», но наши товарищи-ренегаты неминуемо все же прозреют однажды. И увидят перед собой неумную, жадную, со стареющей физиономией самку, намазанную кремами, смешное, по сути дела, существо, на которую напрасно угроблена изрядная часть жизни. Женщина не может быть основным занятием мужчины в жизни – это следует знать. Женщины должны сменять друг друга. От любви к ним не следует отказываться, но только партия – основное занятие мужчины, все остальное – побочно.

Но многим нашим пацанам повезло с подругами: это девушки – члены национал-большевистской партии. Девушкам можно подсказать ту же мораль: только партия – основное занятие для вас и ваша судьба, только единомышленник, друг-революционер достоин Вас, остальные – чужие.

Сейчас мы наблюдаем драматическое снижение рождаемости в нашей стране. При этом, если верить цифрам Каирской конференции по демографии, у нас совершается четыре миллиона абортов в год. Этот чудовищный факт, казалось бы, относится к категории фактов противоположных семье, принадлежит к враждебному якобы семье миру бездуховной сексуальности, к осуждаемому церковью миру плотских удовольствий ради самих удовольствий. Однако это только на первый взгляд так кажется. На деле семья и аборты – явления одного порядка. Множество замужних семейных женщин делают аборты. Государство не требует от семей детей, никакой гражданской дисциплины и обязанностей в области деторождения не существует. Ранее Россия как-то все же саморегулировалась, и население самоподдерживалось на определенном уровне. В Великой Отечественной войне мы потеряли многие миллионы человеческих жизней, но в беби-бум в 1946 году скомпенсировали эти потери. Сейчас ситуация куда более тяжелая и иная, ибо мы стабильно ежегодно теряем около 500 тысяч человек, русский народ вымирает. Сама эта проблема не решается, точнее, решается абортами, то есть отрицательно. Государство проблему вымирания населения также не решает, отмахиваясь и отговариваясь тем, что, дескать, прилагает все усилия для подъема экономики. Дескать, подыдем экономику и семьи станут охотнее рожать детей. Мол, сегодня русская семья не может себе позволить роскоши иметь ребенка, а уж тем более двух или трех, ввиду бедности. Эту же удобную ложь с удовольствием поддерживают семьи и женщины детородного возраста.

Цыгане, не очень устроенные, часто гонимые, бедные, имеют традиционно орды детей. Бедняки вообще всегда отличались обилием детей. Развлечений у бедняков нет, контрацептических средств нет, вот они и развлекаются древним способом. Современные бедные страны, такие как Бангладеш, теряют ежегодно от наводнений десятки тысяч (а однажды более ста тысяч погибли!) несчастных, но плодятся тараканами, и численность населения неумолимо растет. Посему состояние экономики и деторождение – независимые друг от друга величины. Нация должна продемонстрировать силу воли к выживанию. Эту силу воли должны продемонстрировать лидеры нации. Чтобы преуспеть в демографическом воссоздании нации, следует:

1. Запретить аборты тотально, назначив тяжелейшие наказания и врачам и беременным женщинам. Ввести закон, согласно которому не желающая оставить себе ребенка женщина обязана его родить и передать государству.

2. Обязать законом всех здоровых женщин от 25 до 35 лет (возраст деторождения) родить за десять лет не менее четырех детей. Это будет обязанностью, как обязанностью мужчин явля-

ется обязательная военная служба. Как только дети начинают ходить – они передаются в дома детства – государственные учреждения, где они выращиваются и воспитываются государством.

3. Ввести для желающих в обиход полигамную семью, по типу мусульманских. Пропандировать такую семью.

Государственные дома детства избавят детей от вредного влияния родителей-обывателей, родителей-неудачников. Монстр с заплаканными глазами должен исчезнуть. Его надо ликвидировать.

Лекция вторая. Schooling: они украли у вас детство

Schooling по-английски, в переводе на русский – «школение», есть в русском языке слово «вышколенный». И все это словесное гнездо вовсе не значит «учение» и даже не значит «воспитание», но означает «дрессировка». Она и есть «дрессировка», и если в русском варианте иностранное school, превратившись в «школу», ни о чем ежедневно не напоминает, то по-английски, недвусмысленно и без всяких экивоков каждый раз употребленное, вопиет о «дрессировке». Небезынтересно, что это же schooling упоминается и по отношению к дрессировке лошадей и собак.

Вернувшись к истинному значению слова, легче понять и суть самой институции. Обучение, дрессировка в школе стоит впереди получения знаний. Цель schooling – сломить естественные инстинкты человеческого существа, сломить его природную агрессивность, подавить ее тотально. Недаром во всех без исключения странах в школах всегда применялись телесные наказания еще каких-нибудь полсотни лет тому назад. Школа задумана как репрессивное учреждение. Она должна быть поставлена в один ряд, через запятую, перед тюрьмой. Это недоразумение, что школу помещают в один ряд с библиотеками и музеями, а учителей пишут через запятую после врачей, их надо ставить до надзирателей и вертухаев. То, что школа, как и многие институции государства, одряхла, изменилась, покрылась скучной пылью, не должно скрывать ее репрессивного характера. Даже сегодняшняя, расхлябанная, она свою работу делает. После одиннадцати лет изнурительной долбежки, загрузки памяти ненужным мусором лишних знаний, подавляющее большинство индивидов покидают школьные парты со сломленной волей, со сглаженными индивидуальными особенностями, с затоптанным, как правило, талантом и усталыми! Школьный конвейер дрессировки поставляет обществу беззубых, вялых и намеренно заторможенных в своем развитии облезлых зверьков. Их насильно набили ненужными знаниями, как мешок пылесоса набивается мусором и пылью. Бессмысленные знания эти, в особенности те, которые дают в русских школах, никогда не пригодятся бедным зверькам. Я как-то попытался подсчитать, что из полученных в школе знаний мне пригодилось в моей жизни. Получилось ничтожно мало. Иностранный язык и география. Даже не литература, ибо все самые мощные книги я прочел помимо школы, вопреки ей, а большинство книг прочел вообще на английском и французском языках. А языки я выучил сам! Школа не дала мне знания языков. И географию я выучил по желанию, сам, не по учебнику.

Школа нужна обществу для подавления. Для этого она и создана. Это государственное учреждение. И потому она не только не невинна, но так же повинна, как суды и тюрьмы, в подавлении человека. Я вспоминаю свои десять лет за партой с ужасом утраты десяти самых, может быть, отличных, солнечных лет жизни! Кто их мне вернет! Подать в суд на гребаное государство? Отдайте мне мои солнечные годы! Юбки форменных платьев девочек моего класса лоснились сзади, как и наши штаны. Шесть-восемь часов ерзанья на твердых скамьях в неудобном положении, искривив скелет, в возрасте, когда нужно бегать, прыгать, орать! Пальцы с мозолями от ручки. Некрасивые, дурно пахнущие учителя. От учительницы математики воняло мочой, когда она над нами наклонялась. Мы морщились и отворачивались. У учителя физики мерзко пахло изо рта, когда, облокотясь на парту, нависая над нами, он объяснял, что в тетради решено неправильно, какая задача.

Рано утром, давясь своей яичницей, в полном оцепенении я выходил, брел, помню, по темным улицам поселка и видел, как идут, шкандыбая по грязи или льду, такие же бедолаги-ученики. Мне еще было близко до школы, рядом (хотя грязи у нас весной и осенью бывали непролазные), а были дети, добиравшиеся пешком плюс трамваем, затем автобусом. В восьмом классе у нас появился новый классный руководитель: Яков Львович Капров. Так он бил учеников, вызывая их в физический кабинет и запирая дверь. На самом деле все настоящие хули-

ганы ушли из школы в колонии и на улицы еще в 6—7-м классах. Он бил вполне нормальных ребят, те выходили с расквашенными носами. Меня не бил, мой отец был офицером. Но даже если б у нас был сладкий классный руководитель, что бы это меняло? Эти десять лет каждый из нас отдал государству, отсидел как срок. Отдайте мне мои солнечные годы!

Тому, что нужно для жизни, школа не учит. В школе не учат, как говорить с людьми, как распознать лживого человека, как ладить с людьми, как командовать ими, как отбиться от нападения. Что такое жизнь, как скоро придет смерть, как встречать жизненные горести, что делать, если ушла твоя девочка? На все эти вопросы школа не отвечает. Зато она вырабатывает в тебе вторичные инстинкты подчинения: все встают, когда вошел учитель. Она учит тебя низкой хитрости: зная слабость учителя, можно получить хорошую отметку. И подчинению, подчинению учит она.

Но самое главное: те миллиграммы действительных знаний, которые она дает, можно получить в каких-нибудь несколько лет, в три года! Зачем же детей деформируют, заставляют сидеть, как идиотских кукол, в спертom воздухе класса лишние семь лет? Чтобы отшибить напрочь инстинкты. Чтобы привык к оскорблениям, и если мозглячка училка, неряха в рваных чулках, кричит тебе: «Остолоп!» – чтоб ты не давал ей в нос, а стоял опустив голову. Все эти годы требуются, чтобы прочно перешибить твою волю, ударяя каждый день по ней, как дубиной, как ломом.

Если у кого-то остались и хорошие воспоминания о школе, то они не о школе собственно, но о встреченных там двух-трех интересных пацанах, миловидных девочках, первая там влюбленность помнится, то есть личные вещи.

Так что, когда видишь пикет или митинг учителей, всех этих гиппопотамовских размеров теток в драных шубах, то не жалей их, бюджетников, не получающих зарплату. Такие же служащие государства, как тюремные надзиратели или менты в серых армяках, – они работники репрессивного аппарата. (И потом, что за нонсенс, разве женщина должна воспитывать мужчин? Это противоестественно.)

Мир нужно видеть таким, как он есть, правильно. Это экстремально важно – правильно видеть мир. Учителя – не учителя по нормальному видению – это работники государственного аппарата образования. Учителей же в мире горстка. Найти себе учителя – задача тяжкая. Тех, кто преподает в школах, нельзя называть учителями. Это святотатство. Учителей – горстка. Счастлив тот, кто обрел своего учителя.

Школьные учителя – работники негатива. Это, конечно, не их индивидуальная вина, их самих когда-то сломали, и вот они послушно (за мелкий прайс!) заполняют память и мозги своих юных жертв начинкой из жеваных знаний: алгебра, физика, химия, геометрия, литература, история – все вперемешку. Общая ничтожность учителей, их невысокий интеллектуальный уровень, то, что они не поднимаются над общим обывательским уровнем развития, говорят сами за себя, это не лучшие люди нашего общества. Усталые и сломленные, они чревоуважают по программе. Крайне редко могут они понять своих учеников или предвидеть их. Достаточно сказать, что в школьном аттестате у меня по русской литературе стояла тройка. А я ведь читал запоем, запойно писал стихи с пятнадцати лет, и уж тройки мне явно было мало. Но мы не нравились друг другу: учительница и я. Я не мог поставить ей тройку, она могла. Надеюсь, она жива и хоть раз в неделю опять и опять удостоверяется в своей дури.

Тотчас после воцарения советской власти революционеры-большевики всю свободно экспериментировали со школой. Если судить по «Республике ШКИД» – были выборы преподавателей, школьное самоуправление. Будущее намечалось интересное. Понимали, что если хотят выращивать нового человека, то нужна и новая школа. Но одно дело – оспаривать власть в революционном порыве. Другое дело – захватить власть и властвовать. Ломать одновременно многие институты государства – крайне трудоемкое занятие. Да и опасное: сломаешь старую школу, а пока еще построишь новую – не будет никакой.

Потому новой школы не получилось. Убрали Закон Божий да букву «ять», заменив их историей Покровского и материализмом для школьников. Эксперименты Макаренко и «Республики ШКИД» захлебнулись. Все тихо возвращалось на круги своя. Во время Великой Отечественной войны появился феномен фабрично-заводских училищ. После войны помирившийся с церковью и озабоченный укреплением государственности И. В. Сталин (он уже до этого возвратил офицеров и погоны) стал возвращать классическое образование. Было введено раздельное обучение полов, школьная форма, ремни и фуражки, платное обучение для трех старших классов, и даже латынь и греческий – мертвые языки. Продержалась эта имперская мода недолго, приблизительно от 1947 до 1955 года. И даже не была введена повсюду, оставались школы и со смешанным обучением, и без фуражек и ремней. (Пытались ввести форму и для студентов.) В хрущевскую оттепель сталинская попытка возродить имперскую школу загнулась. «Демократичному» и американистому Хрущу она, должно быть, казалась неуместным классицизмом. Так же как «архитектурные излишества» – против них стали тогда серьезно бороться: против сталинского имперского стиля зданий МИДа, гостиницы «Украина» и иже. Между тем латынь, ремни и фуражки были из одного и того же набора имперскости, вместе с «архитектурными излишествами». Хрущу нужна была быстро-быстро рабочая сила на фабрики и заводы и трактористы для подъема целины, потому школу сделали восьмилетней. Нужны были рабочие и крестьяне, вот их и спешно производили в восьмилетках.

В конце концов пришли к сегодняшней нелепой школе. Пожалуй, не намеренно пришли, ибо качество государственной элиты – правителей государства – неуклонно снижалось, и вряд ли Хрущев и тем более Брежнев были способны на размышления по поводу образования, не говоря уже о том, чтобы оценить сравнительные качества систем образования. После гения Ленина (впрочем, он никакого проекта нового образования не оставил, насколько я знаю) и отличного практика Сталина пришли лохи. У лохов проектов не бывает.

Возвращаясь к сталинской попытке реставрации классического образования, еще раз отмечу, что она совершена в поздний предсмертный период, когда Сталин пришел к имперскости, отвергнув наследие революции 1917 года. Неизвестно, что он сам по поводу своей школы думал, но ему понятно, что новый человек не должен был выйти из такой школы, где преподавали латынь и русскую историю, сочиненную немцем Миллером и другими немцами по заказу немецкой династии Романовых. Учили историю царей и исчисляли послушно революционное время от выдуманной даты Рождества Христова! Что ж должно было получиться? Конечно, не новый, а ветхий человек! Потому закономерно получили с такой школой воспроизведение старого общества.

(Нужно было больше и больше революционности! Мой упрек революции 1917 года – что она не была достаточно радикальной. Она не убила старый мир, а лишь приглушила его на время. Но об этом в другом месте...)

Ту школу, которая есть, садистский репрессивный государственный институт, направленный на подавление и тотальную деформацию самой сути человека, нужно уничтожить. Иначе наше общество обречено воспроизводить самое себя в том отталкивающем виде, в каком оно есть сегодня. Вечно будут крепостные темные пенсионеры, вечно будут палаческие менты, вечно будут воспроизводиться блатные, вечно станут появляться гоголевские чиновники, монументальные архаичные теткли-судьи. Поколение за поколением. А начинается становление этих отталкивающих существ уже на школьной парте. Общество забивает целых одиннадцать лет ребенка до смерти, пока он не становится полуфабрикатом, заготовкой для вышеперечисленных типов. Этот конвейер надо выключить. Что мы и сделаем, придя к власти.

Всякое обучение должно быть много короче. Достаточно пяти лет, чтобы получить отличное среднее образование. И образование должно быть тотально иным.

У детей сегодня ненормально удлиненное детство. Современный мир стал быстрее, информация по телевидению, информация по радио, все это делает возможным куда более

раннее познание мира еще вне школы. Помимо школы. А наша система образования создана на Западе в XIX веке, перебралась к нам с Запада. Начинать надо раньше и учить короче. Начинать надо в пять лет от роду и учить не более пяти лет.

Преподаватель в средней школе должен быть один. Это должен быть мужчина, он должен иметь творческий (художник, поэт, писатель) и военный опыт. Никаких алгебр, тригонометрий, математик, физик и других отвлеченных, никогда не приходящих дисциплин преподавать детям не будем. Для хранения и передачи подобных отвлеченных знаний существуют ученые, это их работа. (Ученых будет немного, и специальные знания будут ограничены несколькими небольшими высшими учебными заведениями.)

Итак, начав ходить, ребенок покидает мать и поселяется в доме детства. Дом обязательно находится в живописной местности с красивой природой, вне города. Преподаватель – мастер, как уже было сказано, – один, это обязательно мужчина. В случае необходимости привлекаются еще преподаватели иностранных языков, но они не носят титул «мастер». В помощь мастеру у него будут еще инструктора, числом не менее трех, в зависимости от численности детей в доме детства. Их обязанность – помогать Мастеру. В программе будут следующие дисциплины:

- История: с учетом «Новой хронологии» Фоменко и Носовского и открытий Льва Гумилева. Должны быть разработаны учебники.
- География и знание иных стран, народоведение.
- Иностранные языки (и западные, и восточные – больше восточных).
- Оружие и военное обучение. Преподавание ведется не в классах. Умение стрелять, общаться с гранатометом, минометом, вождение и стрельба из БТР и пр.
- Ораторское искусство, поэзия, сочинения и изложения.
- Исторические личности: Сталин, Гитлер, Мао, Муссолини, и личности культуры: Ницше, Пазолини, Достоевский и пр.
- Тайны жизни. Человековедение: тайны пола, искусство общения с людьми, как распознать лживого человека, как реагировать на оскорбление, на жизненную неудачу, на смерть друга, на предательство женщины.
- Боевые искусства: борьба, бокс, кунг-фу, на самом деле обучение жестокой драке.
- Обращение с пишущей машинкой, Интернетом.

Только в исключительных случаях обучение будет производиться в классах. Детали новой системы обучения должны быть разработаны впоследствии. Основной принцип: Учитель, Мастер с большой буквы, человек опыта и знаний, будет лично обучать группу учеников. Как восточный учитель мудрости и боевых искусств.

Лекция третья. Самый угнетенный класс

Ты идешь по улице. Менты в серых армяках. Мятая толпа ментов. Тычут в грудь дубинкой. «Регистрация есть?», «Где регистрация?», «Билет есть? Когда приехал?», «Что здесь делаешь?», «Где штамп о прописке?», «Почему не в армии?». Облавы на иногородних, на призывников, на кого угодно, от кавказцев до белокурой Василисы из Вологды. И на тебя – тебя выдает твоя молодая рожа. Шмон. «К стене! Руки за голову!», «Ложись, сука!» – полная программа унижений. Повод: твоя молодость! С твоей юной физиономией ты далеко сияешь, как краснокожий ацтек среди оливковых и белых испанцев. Молодой – значит неблагонадежный. Молодой и экстремист – синонимы. Молодой – значит фашист, коммунист, дезертир, призывник. Гражданин должен быть пожилым, потертым, потрескавшимся, морщинистым, бабушкой или ребенком. Тогда он благонадежен. Тогда на нем не задерживаются глаза работников правоохранительных органов. Для государства было бы удобно, если бы все граждане были стариками и функциональными инвалидами, но так, чтобы у одного остались руки – на станке работать, у другого глаза – зачитывать нужные государству тексты, у следующей категории были бы только ноги – бегать по поручениям чиновников. Что, слишком гротескно? Да, гротескно, но отвечает духу Российского гребаного государства в первый год XXI века. Здоровые и молодые люди ему не нужны. Их спешит сбавить в тюрьму и в армию РФ агрессивно антимолодежное государство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.